

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. IX

СТРАНЫ И НАРОДЫ АФРИКИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

М. Б. Рабинович

АНГЛО-ГЕРМАНСКИЙ КОНФЛИКТ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ В 1896 ГОДУ

В конце декабря 1895 г. мир был взволнован известиями из Южной Африки. Отряд во главе с доктором Джемсоном, администратором Британской Южно-Африканской привилегированной компании, перешел границу Трансвааля и двинулся к Йоганнесбургу с целью поддержать готовившееся там выступление уитлендеров. Для английского правительства создалось сложное положение. С одной стороны, международная обстановка, в особенности англо-германские отношения, диктовала сугубую осторожность. С другой стороны, надеялись, что набег Джемсона станет исходным пунктом для давно желаемой ликвидации независимости Трансвааля. Исходя из этого, британское правительство неторопливо дезавуировало действия Джемсона и послало ему вдогонку запоздалые приказания о немедленном возвращении. Джемсон не повернул обратно, и последующие дни стали днями острого политического кризиса, значение которого вышло за пределы Южной Африки. В дальнейшем многое зависело от того, как сложится судьба джемсоновского отряда.

Лондонский кабинет придерживался выжидательной тактики, проявляя при этом нарочитую медлительность в решениях. Джозефу Чемберлену понадобилось, например, почти двое суток, чтобы отправить верховному комиссару Капской колонии Геркулесу Робинсону следующую депешу:

«...Телеграфируйте издателям газет в Йоганнесбурге, Претории и Блумфонтейне, что Вы, я и Родс осуждаем действия Джемсона и что Вам предписано запретить всем подданным ее величества в Южно-Африканской Республике¹ помогать Джемсону... Правительство ее величества здесь также публично осудит Джемсона» [15, стр. 93].

Телеграмма эта была отправлена 1 января 1896 г., в 12 час. 30 мин., хотя о переходе Джемсоном трансваальской границы министерство колоний знало уже 30 декабря 1895 г., и не из одного источника. Во-первых, об этом телеграфировал верховный комиссар Капской колонии Г. Робинсон; во-вторых, мисс Шоу (корреспондент газеты «Таймс») днем 30 декабря 1895 г. видела в конторе Бейта телеграмму, извещавшую, что «Джемсон перешел границу с 400 людьми», и немедленно сообщила об этом в министерство колоний [22, стр. 71].

¹ Южно-Африканская Республика (Трансвааль) существовала как независимое государство до окончания англо-бурской войны.

На Даунинг-стрит не торопились. Там ждали известий из Кейптауна и Претории, Йоганнесбурга и Булавайо, из Парижа и Петербурга, Вашингтона и Вены. Но главное внимание было приковано к Берлину, так как с первых же дней стало ясно, что южноафриканский инцидент явился ярким выражением англо-германских противоречий. Об этом английскому правительству настойчиво напоминали многочисленные меморандумы, требования, протесты, прибывавшие с берлинской почтой. Новый, 1896 год начинался под знаком серьезного ухудшения англо-германских взаимоотношений.

Вскоре, казалось, пришла развязка. 2 января 1896 г. в половине седьмого вечера министру колоний Джозефу Чемберлену донесли, что Джемсон с остатками своего отряда сдался бурам. «Дело кончено» («So this is the end!»), — с удовлетворением заметил в письме к своей жене Чемберлен [15, стр. 92]. На этот раз «старый Джо» ошибся. Он причял начало событий за их окончание. Через сутки после получения известия о капитуляции доктора Джемсона, утром 3 января 1896 г., в печати появилась телеграмма германского императора Вильгельма II президенту Южно-Африканской Республики Паулю Крюгеру. Вот текст этой памятной делешки: «Примите мои искренние поздравления, в связи с тем что без обращения за помощью к дружественной державе Вам вместе с Вашим народом удалось своими собственными силами отразить вооруженные банды, которые вторглись в Вашу страну, восстановить мир и отстоять независимость страны от иностранной агрессии» [3, XI, № 2610, стр. 31—32].

С опубликованием этой телеграммы, демонстративно антибританской по содержанию, трансваальский конфликт потерял свой локальный характер. Англо-германские противоречия выступили на первый план.

Противоречия между Англией и Германией были и до пресловутого рейда Джемсона и вильгельмовской телеграммы, но в более скрытом виде. Телеграмма кайзера явилась лакмусовой бумажкой, сделавшей тайное явным.

Южная Африка, куда Берлин давно уже направлял свои алчные взоры, являлась одним из основных узлов, где переплелись англо-германские интересы. Германская активность в Южной Африке в основном сосредоточивалась на Трансваале. Сначала это были мечтания отдельных колониальных прожектеров о создании второй заморской колониальной империи. Буры, эти «нижненемецкие братья», казались подходящим косяком для «второй Индии под германским контролем» [18, стр. 31].

От мечтаний и слов к действиям, и притом активным, Германия перешла в 80-х годах XIX в.

В 1883 г. бременский торговец А. Людериц приобретает бухту Ангра-Пекена с прилегающей областью размером около 150 кв. миль. Несколько месяцев спустя (тем временем Людериц значительно расширил свои владения) все эти территории были объявлены первым немецким колониальным владением (24 апреля 1884 г.). Попытки Британии, главным образом Капской колонии, оспорить германское приобретение ни к чему не привели. Германия закрепилась на западном берегу Южной Африки. Угроза, что Германия, идя на восток, достигнет Трансвааля, становилась весьма реальной. Немецкие владения приближались к земле бечуанов, а за нею лежала территория бурской республики. «Больше всего Англия опасалась, что Германия, пройдя Бечуаналенд, соединится с трансваальцами или, двинувшись чуть северо-восточнее, — с португальцами, или же с немецкими агентами, подвизающимися в Восточной

Африке. Во всех случаях Капская колония была бы отрезана от Внутренней Африки» [26, стр. 405]².

И на первые же попытки немцев установить прямую связь с бурами (они были предприняты почти сразу после занятия Ангра-Пекена) британское правительство ответило аннексией земли бечуанов. Это преградило путь германскому движению на восток. Одновременно английское правительство заключило Лондонскую конвенцию (1884 г.), признавшую, хотя и в допускавших разноречивые толки выражениях, независимое существование Южно-Африканской Республики.

Вторая попытка достигнуть Трансвааля была предпринята Германией в том же 1884 г., но уже с востока. В ноябре этого года А. Люде-риц через своих агентов получил концессию от зулусского вождя Денизулу — 60 тыс. акров земли, что позволяло проложить дорогу от бухты Санта-Лючия до Трансвааля. В ответ на это британское правительство предьявило договор с зулусским вождем Панда (1843 г.), утверждавший английские «права» на бухту Санта-Лючия, а затем — для большей убедительности — отправило к спорной территории военный корабль. Германские протесты в Лондоне, а также миссия Герберта Бисмарка ни к чему не привели. Члены британского кабинета встретили немецких дипломатов очень гостеприимно, но в отношении Санта-Люции оказались тверды как сталь [3. IV, № 760, стр. 103]. В конечном итоге инцидент закончился соглашением: Германия за концессии на Гвинейском берегу брала назад свой протест и отказывалась от притязаний на территорию между Наталем и зал. Делагоа.

Это был двойной успех британской политики. Во-первых, Германия была отброшена от Трансвааля, а, во-вторых, вся территория между Мозамбиком и Наталем стала английской и буры были отрезаны от моря. Таким образом, Британии, казалось, удалось воздвигнуть стену между немецкими землями и бурскими республиками. Но вскоре в этой стене возникла лазейка — железная дорога от португальского порта Лоренсу-Маркиш к Претории (см.: [9, стр. 88—91; 10, стр. 24—26]). Потерпев неудачу при попытке прямого захвата территории в Южной Африке, Германия пытается компенсировать это экономическими успехами: растет приток германских капиталов, товаров и переселенцев в Южную Африку, главным образом в Трансвааль.

Германский капитал вкладывался в железнодорожное строительство, в особенности после того как открытие золота в Трансваале сделало стальной путь необходимостью. Образованная в 1887 г. в Амстердаме Нидерландская железнодорожная компания была с момента своего возникновения в значительной степени немецкой, а к 90-м годам можно было говорить о том, что «Нидерландской железнодорожной компанией управляет почти исключительно Берлин» [18, стр. 48]³. В руках этой компании оказался самый короткий путь от моря к трансваальскому золоту. Попытка Англии помешать соединению португальского участка дороги с трансваальским не увенчалась успехом, и «Претория получила прямой выход к морю через Делагоа, а это означало, что англичанам не удалось окружить Трансвааль полностью» [9, стр. 89].

Германская экономическая экспансия в Южную Африку в 90-х годах XIX в. стала довольно значительной. За четыре года перед рейдом Джемсона (1892—1895) английский импорт в Южно-Африканскую Рес-

² «Если мы допустим германское вмешательство в Претории и Иоганнесбурге, — писал позднее, 25 ноября 1894 г., лорд Рипон Кимберли, — то это может оказаться роковым для нашего положения и влияния в Южной Африке [см.: 27, стр. 232].

³ Из 2 тыс. первоначальных акций этой компании немцам принадлежало 819, голландцам — 581, Южно-Африканской Республике — 600 [см.: 25, стр. 114].

публику вырос на 62%, в то время как германский — почти в 4,5 раза [18, стр. 39]⁴. Правда, в абсолютных цифрах германский ввоз еще сильно отставал от английского. Так, например, в 1896 г. через Делагоа прошли 238 британских и 42 немецких судна (грузооборот — соответственно 430 813 и 61 944 т) [18, стр. 39—40]. При этом следует иметь в виду, что почти весь германский ввоз шел через Делагоа, а английский — и через другие порты (Наталь, Кейптаун)⁵.

Трансваальская золотая промышленность явилась прекрасным рынком сбыта немецких машин. В 1896 г. берлинская фирма «Сименс и Гальске» заняла даже ведущее место в электропромышленности Ранда. Германские капиталисты получали от трансваальского правительства различные привилегии и концессии (вроде, например, полученного в 1888 г. права на производство взрывчатых веществ для золотой промышленности Ранда, водочной монополии и др.). Ряд привилегий был предоставлен немецким банкам.

Свои успехи немцы склонны были преувеличивать. Так, например, по информации торгового дома А. Герца (Берлин), которой пользовались германское посольство в Лондоне и министерство иностранных дел, немецкие капиталы в Трансваале достигли (к концу 1895 г.) 500 млн. марок, а число немцев, проживавших только в Йоганнесбурге, составило 15 тыс. Это явное преувеличение. Немецких резидентов в Йоганнесбурге было менее 3 тыс. (2262), а в общую сумму капиталов включены были и капиталы таких инвесторов, как Бейт, Экштейн, Вернер и др., большинство которых являлось фактически представителями британского капитала [3, XI, № 2613, стр. 33; 18, стр. 44]⁶.

И все же нельзя не признать, что германское проникновение в Южную Африку угрожало английской гегемонии в этом районе, тем более что трансваальское правительство, противодействуя английскому влиянию, охотно шло навстречу немецким промышленникам, финансистам и торговцам.

90-е годы принесли с собой ряд политических трений между Англией и Германией, значительная часть которых в той или иной степени касалась африканских дел. Так, правительству Гладстона в 1894 г. под давлением иностранных держав, главным образом Германии, пришлось аннулировать свой договор с Бельгией относительно Конго, по которому Англия «отдавала Бахр-эль-Газаль в обмен на территорию, соединяющую ее южноафриканские владения с Угандой» [19, стр. 54], что позволяло приблизить сроки осуществления прямой связи Кейптауна с Каиром.

Впечатление, которое произвело в Англии германское противодействие договору о Конго, можно сравнить лишь с тем, какое позднее произвела депеша Вильгельма II Крюгеру, с той только, пожалуй, разницей, что «германскую ноту 1894 г. неприязненно встретило лишь британское министерство иностранных дел, а в 1896 г. немецкое вмешательство неприязненно было встречено всем английским обществом» [4, стр. 516—517].

⁴ За это же время импорт из США в Трансвааль вырос еще больше (почти в пять раз).

⁵ Поэтому нам кажется несколько преувеличенным утверждение, что «После открытия железной дороги Претория — Делагоа они (германские фирмы. — М. Р.) быстро сумели забрать в свои руки всю внешнюю торговлю Трансвааля» [см.: 9, стр. 90].

⁶ Проф. А. Ерусалимский в своей работе [9] справедливо, хотя в слишком осторожных выражениях, сомневался в истинности указанной германским послом в Англии фон Гатцфельдом цифры — 500 млн. и приводит одновременно другую цифру — 300 млн. (стр. 93). В то же время (стр. 92) он почему-то не подвергает сомнению другие данные того же донесения — 15 тыс. немцев в Йоганнесбурге, хотя цензовые данные говорят другое.

Итак, к 90-м годам XIX в. Южная Африка бесспорно являлась центром столкновения англо-германских интересов. Смелее становился и тон буров, подстрекаемых Германией к сопротивлению. Все это в свою очередь активизировало и английскую политику в отношении Трансвааля.

Две речи, произнесенные в январе 1895 г., чрезвычайно характерны для сложившейся к тому времени обстановки. Одну речь произнес 28 января в Лондоне доктор Джемсон во время своего триумфального пребывания в столице после войны с матабеле. Он рисовал заманчивые для английских промышленников картины из будущего Южной Африки, когда она объединится под британским флагом [24; 12, стр. 17]. Это совпало и с откровенными заявлениями Сесилия Родса, сделанными в том же январе 1895 г. Другую речь произнес (27 января) в Претории, в германском клубе, президент Южно-Африканской Республики Крюгер по случаю дня рождения императора Вильгельма II: в ней он выразил надежды на помощь Германии в будущем [18, стр. 50; 25, стр. 150]⁷.

Речь Крюгера произвела неблагоприятное впечатление в Англии, что отразилось на тоне печати и вызвало к жизни несколько дипломатических представлений. Так, в начале 1895 г. (1 февраля) английский посол в Берлине сэр Эдуард Мэлет, протестуя по поручению своего правительства против германского вмешательства в трансваальские дела, заметил, что поведение берлинского правительства возбуждает надежды Южно-Африканской Республики, несовместимые с международным положением последней, и угрожает статус-кво в Южной Африке. Флирт Германии с Трансваалем становится темным местом («point noir») в англо-германских отношениях. В заключение сэр Мэлет сказал, что для Англии вопрос о Трансваале не менее важен, чем вопрос о Египте [3, XI, № 2577, стр. 4].

Германский министр иностранных дел барон Маршалль возразил, что немцы столь же чувствительно относятся к южноафриканским делам, как и англичане, что они также заинтересованы в сохранении статус-кво (т. е. в независимости Трансвааля, по толкованию Вильгельмштрассе).

После прихода к власти унионистского правительства (1895 г.) Эдуард Мэлет был отозван. При прощальном визите он снова указал на те серьезные последствия, к которым может привести поддержка Германией враждебных чувств буров по отношению к Англии. С другой стороны, Маршалль с полного одобрения кайзера высказал ряд упреков по адресу англичан, намекнув, между прочим, на изоляцию Британии, у которой, мол, не так уж много друзей, чтобы она могла столь легко порвать с Германией, и закончил достаточно ясными колониальными требованиями [3, XI, № 2578, стр. 5—7]. Об этом же разговоре, как обычно, сгущая краски и искажая действительность, писал император Вильгельм царю Николаю II:

«Мэлет во время своего прощального визита в наше министерство иностранных дел говорил в очень хвастливом тоне о том, что Германия в Африке плохо ведет себя по отношению к Англии, что дальше так продолжаться не может и что, подкупив Францию уступками в Египте, Англия может обратить свое внимание на нас. У него даже хватило бестактности употребить слово „война“. Он сказал, что Англия не остановится перед войной против меня, если мы не сократимся в Африке» [11, стр. 15].

Все это произошло в середине октября 1895 г. Вильгельм II, носясь со своими химерическими планами, преувеличивая значение и степень английской изоляции после дальневосточного и армянского казусов в

⁷ В работе [25] речь Крюгера расценивается как прямой призыв к союзу с Германией.

1895 г., несколько раз касался этого, по его мнению, слабейшего пункта британской политики.

Так, через десять дней после прощальной аудиенции Мэлета кайзер встретил английского военного атташе Свайна. В разговоре с ним Вильгельм дал волю своему бурному темпераменту, напав на Свайна с обвинениями против Англии. Он заявил, что ряд британских завоеваний, в частности Египет, Англия удерживает будто бы лишь благодаря германской поддержке. Император вновь вернулся к разговору с Мэлетом, который де «так далеко зашел, что произнес невероятное слово „война“». Англия, продолжал с лицемерным сокрушением Вильгельм, осмеливалась угрожать войной «своему единственному и настоящему другу, внуку ее величества королевы Великобритании и Ирландии», и все это из-за «нескольких квадратных миль с пальмами и неграми». Вильгельм закончил свои упреки неожиданным выводом, что Соединенное Королевство может выйти из своего тяжелого положения лишь открытым и безоговорочным присоединением к Тройственному Союзу либо таким же безоговорочным переходом на сторону Франции и России [3, XI, № 2559, стр. 8—11; 19, стр. 59—60]⁸.

В день разговора Вильгельма со Свайном от фон Гатцфельдта было получено сообщение, которого, собственно, следовало ожидать: премьер-министр Солсбери дезавуировал заявление Мэлета, расцененное кайзером как угроза войны, и извещил, что он вообще не давал подобных инструкций Мэлету, но что тот, возможно, выполнял поручение предыдущего правительства [3, XI, № 2580, стр. 12].

Никогда еще до этого Германия не обращалась к Англии в таком угрожающем тоне, который можно отнести частью за счет темперамента императора, сочетавшего красноречие «с потребностью пользоваться им чаще, чем следует» [5, стр. 100—101], частью же за счет надежд германских экспансионистских кругов (интересы которых были близки сердцу кайзера) на участие в прибыльных южноафриканских делах.

Несколько раз угрожал Вильгельм II Англии континентальным союзом. Его советники, особенно барон Гольштейн, работали над осуществлением этой цели. Но угрозы только тогда полезны, когда за ними могут последовать действия. У Вильгельма же не было серьезных оснований угрожать континентальным антибританским союзом. Его взгляды основывались на некоторых совместных шагах, предпринятых Германией, Францией и Россией на Дальнем и Ближнем Востоке, да на тех противоречиях, которые были между Англией, с одной стороны, и Россией и Францией — с другой, в различных точках земного шара. Но как раз в 1895 г. переговоры с Францией относительно Сиамы и соглашение с Россией о сферах влияния в районе Памира говорили об отсутствии абсолютной непримиримости англо-русских и англо-французских интересов и о возможности их сближения в будущем⁹.

И все же набег Джемсона на Трансвааль казался германскому правительству наиболее благоприятным случаем для достижения своих далеко идущих целей.

⁸ Эдуард Мэлет отрицал приписываемые ему Вильгельмом выражения, как доносил из Лондона 2 ноября 1895 г. немецкий посол граф Гатцфельдт [3, XI, № 2583, стр. 14]; другие документы показывают, что вопрос не был поставлен сэром Мэлетом так остро, как это изображает кайзер (*tatsächliches ultimatum*) в письме к Николаю II и своем меморандуме от 25 октября [там же, стр. 9, 12]; подробно этот инцидент рассмотрен в работе А. Ерусалимского [9] и как иллюстрация к приемам буржуазной дипломатии в статье акад. Е. В. Тарле («Приемы и методы работы, организационные формы и техника современной дипломатии», — «История дипломатии», т. III, М., 1945, стр. 744—749).

⁹ Подробно этот вопрос разработан проф. А. Ерусалимским [9, гл. II].

В своих воспоминаниях барон фон Маршалль сообщает, что первое известие о волнениях в Йоганнесбурге он получил 31 декабря 1895 г. и что оно его встревожило. Сообщение же о набеге Джемсона он получил уже 1 января нового года в 13 час. 15 мин. и немедленно телеграфировал императору об этой сенсационной новости. Оба эти утверждения не отвечают истине. Во-первых, известия эти не были и не могли быть неожиданными, как это говорит Маршалль. Сведения об южноафриканских делах регулярно поступали на Вильгельмштрассе из Йоганнесбурга и Претории, Лоренсу-Маркиша и Кейптауна.

Еще 24 декабря 1895 г. германский консул в Претории фон Герфф послал своему правительству телеграмму, информирующую о возросшей активности английской партии в столице Ранда и готовящемся там в ближайшие дни выступлении. «Правительство Южно-Африканской Республики со своей стороны принимает меры», — заканчивает эту телеграмму германский консул [3, XI, № 2585, стр. 15]. В Потсдаме казались обеспокоенными. Английского посла в Берлине ознакомили с содержанием этой депеши и предупредили о последствиях, которые повлечет за собой нарушение статус-кво в Южной Африке [3, XI, № 2586, стр. 15—16]. 30 декабря консул в Претории получил ответ на свою информацию. «Я категорически заявил Англии, — писал барон фон Маршалль, — что Германия признает Трансвааль согласно конвенции 1884 г. независимым и будет строго придерживаться этой точки зрения. Прошу устно и конфиденциально сообщить тамошнему правительству об этом и вместе с тем внушить ему, чтобы оно для сохранения благорасположения Германии избегало всяких провокаций» [3, XI, № 2587, стр. 16].

Таким образом, обеспокоившее барона известие из Йоганнесбурга не могло явиться для него такой уж неожиданностью, как он изображает в своих воспоминаниях. К тому же Маршалль неправ, когда пишет, что весть о переходе отрядом Джемсона трансваальской границы была получена им днем 1 января 1896 г. Телеграмма фон Герффа прибыла в министерство иностранных дел 31 декабря, т. е. достаточно рано, для того чтобы в министерстве успели развить в этот же день бурную дипломатическую переписку.

Копия телеграммы преторийского консула была переслана в Лондон германскому послу с лаконической припиской: «Инструкции следуют». Затем министр иностранных дел Германии пригласил к себе английского посла сэра Франка Лешелса, довел до его сведения содержание преторийской телеграммы и сделал в связи с этим ряд заявлений. Фон Маршалль говорил о напряженном положении в Трансваале, грозящем вооруженным конфликтом, о якобы умеренной позиции германского правительства, осуждающего насильственную политику как с той, так и с другой стороны. «Я считаю своим долгом снова разъяснить... — говорил Маршалль, — что имперское правительство не может принять такой развязки событий (т. е. аннексии Трансваала правительством Капской колонии. — *М. Р.*) и должно тем более настаивать на сохранении статус-кво, установленного соглашением 1884 г. Эта позиция диктуется как нашими коммерческими и хозяйственными интересами, так и нашим общественным мнением, не терпящим никаких уступок в этом вопросе» [2, стр. 326—327; 3, XI, № 2589, стр. 17—19].

В заключение немецкий министр снова угрожал созданием континентальной коалиции, которая может попытаться разрешить спорные вопросы за счет Британской империи. В этих угрожающих словах опять отражались ошибочные представления берлинского правительства как о степени затруднений, переживаемых английским кабинетом, так и о степени сближения между двумя основными континентальными группами.

ровками держав [2, стр. 327; 3, XI, стр. 18; 15, стр. 94]. Одновременно с одобрения советника кайзера Гольштейна Маршалль послал в Лондон инструкции, по которым германский посол должен был немедленно и официально запросить британское правительство об его отношении к переходу трансваальской границы войсками Британской Южно-Африканской привилегированной компании, и если выяснится, что лондонский кабинет поддерживает Джемсона, то Гатцфельдт должен потребовать свои паспорта. В случае же отрицательного отношения Лондона к набегу послу поручалось запросить, какими средствами британское правительство думает устранить подобное нарушение права [3, XI, № 2590, стр. 19; 17, стр. 364].

Таково содержание этого, так называемого первого, ультиматума.

В тот же день, когда было получено известие о набеге Джемсона, Маршалль с разрешения кайзера и после обсуждения этого вопроса с адмиралом фон Кнорром, капитаном фон Геррингером и доктором Лейдсом, представлявшим Трансвааль и находившимся тогда в Берлине, послал телеграммы в Преторию и Лиссабон [17, стр. 365]. В одной из них у португальского правительства испрашивалось разрешение на высадку отряда германских моряков с военного корабля, стоявшего в бухте Делагоа, и на проход этого десанта через Мозамбик. Другая телеграмма, адресованная немецкому консулу фон Герффу, предписывала последнему немедленно договориться с Крюгером о том же и использовать команду моряков (которую уже предупредил адмирал фон Кнорр) «для защиты во время беспорядков... жизни и имущества имперских подданных» [3, XI, № 2591, стр. 19—20].

Германские домогательства натолкнулись на противодействие трансваальского правительства. Крюгер, используя преимущества, которые ему давала немецкая протекция, в вежливой, но твердой форме отклонил назойливые германские предложения, которые безусловно привели бы к ухудшению англо-германских отношений, а следовательно, осложнили бы положение Трансвааля.

Одновременно берлинское правительство запросило губернатора германской Восточной Африки Виссмана, сможет ли он без ущерба для себя отправить в Трансвааль 400—600 человек через бухту Делагоа [3, XI, № 2591, стр. 20].

Однако до высадки отрядов дело не дошло. Португальское правительство, помедлив несколько дней, разрешило высадку с немецкого военного судна 50 человек, но это было уже 5 января 1896 г., когда провал джемсоновской авантюры сделал высадку ненужной.

1 января 1896 г. английский посол в Берлине сэр Франк Лешелс передал Маршаллю ноту от Солсбери. Это был ответ на запросы германского правительства по поводу беспорядков в Трансваале. Солсбери согласился с замечаниями Маршалля и извещал последнего об усилиях Чемберлена, который принимает все меры, чтобы восстановить спокойствие [3, XI, № 259, стр. 23].

Ответ и заверения Солсбери прибыли тогда, когда на Вильгельмштрассе было уже донесение из Претории. Фон Герфф сообщал, что «верховный комиссар Капской колонии официально дезавуировал действия Британской Южно-Африканской компании и приказал ее отрядам отступить. Однако этот приказ не был выполнен начальником отряда Джемсоном. Здесь не верят в искренность дезавуирования и убеждены, что английское правительство знало об этих действиях» [3, XI, № 2593, стр. 21].

Первый день января не принес значительных изменений и новостей. Лишь яснее стала позиция Великобритании, внешне чрезвычайно лояль-

ная, идущая как будто бы навстречу желаниям и требованиям Берлина, а в действительности рассчитанная на то, чтобы по мере возможности помешать своим противникам действовать и выиграть время. С другой стороны, обнаруживается и некоторая нерешительность германского правительства. Оно заявляет протесты в Лондоне и Берлине: угрожает коллективным выступлением держав против Англии; встречаясь с успокоительными заявлениями Даунинг-стрит, отказывается верить им, но все же вынуждено ждать результатов как самого «рейда», так и предпринятых английским правительством шагов.

В те же дни германское правительство встретилось с несколько неожиданным для него противодействием Трансвааля. Крюгер прекрасно понимал, что германские империалисты, оказывая поддержку Южно-Африканской Республике, руководствуются политическими расчетами, что бурское государство явилось лишь местом, где столкнулись противоречивые англо-германские интересы, и что германский протекторат явился бы для независимости буров не менее гибельным, чем британский¹⁰. И старый президент убеждал германского консула отложить высадку немецких моряков, что неизбежно привело бы к обострению конфликта.

Нарочитая неторопливость португальцев в вопросе о разрешении высадки германскому отряду в бухте Делагоа раздражала берлинское правительство, но в то же время и сдерживала его. Наконец, создание антианглийского единого фронта, которым угрожали Лондону, оказалось трудной, если не безнадежной задачей. Французский посол в Берлине Эрбетт, с которым барон фон Маршалль 1 января обсуждал возможность континентального блока, хотя и одобрительно встретил германский проект, но дал понять, что до соглашения еще очень далеко [17, стр. 367].

День 2 января не принес благоприятных известий, и обстановка оставалась еще достаточно напряженной. Барон фон Маршалль обсуждал южноафриканский вопрос с Лейдсом, Блокландом (официальным представителем Трансвааля) и другими лицами.

Полученная вскоре из Претории телеграмма извещала о сражении у Крюгерсдорпа, результат которого еще не был известен.

Положение обострялось. «Если столкновение закончится неблагоприятно для буров, то трансваальское правительство вынуждено будет сделать ряд уступок в избирательном праве», — сообщал из Претории консул фон Герфф [3, XI, № 2801, стр. 28].

После того как произошло столкновение, исход которого мог изменить любезное Германии статус-кво в Трансваале, фон Маршалль решил действовать энергично. В тот же день министр иностранных дел Германии телеграфировал в Лондон текст новой, одобренной императором ноты, в которой английское правительство обвинялось в потворстве Джемсону. Вот текст этого так называемого второго ультиматума, который графу Гатцфельдту предстояло передать Солсбери:

«На сделанное мною 1 января от имени императорского правительства представление в связи с вторжением в Трансвааль вооруженных банд с территории, находящейся под английским протекторатом, и на мой запрос о шагах, которое королевское великобританское правитель-

¹⁰ Почти за год до описываемых событий, на банкете по поводу дня рождения Вильгельма II, Крюгер среди фраз о германо-трансваальской дружбе произнес в заключение и такую: «Наша маленькая республика еще только ползает между великими державами, и мы чувствуем, что, когда одна из них хочет наступить нам на ногу, другая старается этому воспрепятствовать» [8, стр. 132]; см. также замечание Гогенлоу в его письме к Вильгельму (7 января 1896 г.) о том, что Лейдс (статс-секретарь Трансвааля) хочет извлечь пользу из конвенции 1884 г. и т. д. [3, XI, № 2618, стр. 37—38].

ство намерено предпринять, Ваше Превосходительство любезно ответили, что лондонское центральное правительство послало приказ немедленно отозвать интервентов. Как только сейчас императорскому правительству стало известно, этому приказу не был дан ход. Более того, все это привело к кровавому столкновению между наемниками Британской Южно-Африканской компании и бурами.

В соответствии с данными мне инструкциями я вынужден объявить, что императорское правительство заявляет против этих действий протест и что оно не намерено признавать никаких изменений в установленном договорами международном положении» [3, XI, № 2600, стр. 27].

Депеша была послана. Получив ее, граф Гатцфельдт немедленно передал ноту в запечатанном конверте в Форин оффис. Лорда Солсбери в Лондоне не было. Он был за городом и его ожидали в министерстве не ранее трех часов дня [3, XI, № 2605, стр. 29].

Император Вильгельм был доволен направлением, какое приняли события. «Я заговорил в Лондоне очень суровым языком»¹¹, — самодовольно писал он в этот день Николаю II [11, стр. 16].

Но вечером 2 января все вдруг изменилось. Стало известно о поражении и сдаче Джемсона. Об этом сообщали германский консул из Претории и трансваальский посол в Берлине. Наконец, аналогичная телеграмма прибыла из Лондона от Гатцфельдта [3, XI, № 2602, 2603, 2604, стр. 28—29].

Немецкому послу в Лондоне немедленно было передано приказание не передавать «ультиматума». К счастью, Солсбери еще не возвратился в город, и нота утром 3 января была получена обратно нераспечатанной, о чем Гатцфельдт сразу же сообщил в Берлин [3, XI, № 2600 стр. 27, 2603, стр. 28].

В тот же день, следуя полученной инструкции, германский посол выразил лорду Солсбери свою радость по поводу развязки южноафриканских событий, избавившей его от тяжелой обязанности передать ноту протеста [3, XI, № 2611, стр. 32].

Политический горизонт, казалось, прояснился. Но поражение Джемсона хотя немного и разогнало грозовые тучи, однако не смогло уничтожить основных разногласий между Англией и Германией.

Мы видели, что германское правительство открыто выступило с поддержкой буров, подстрекая их к сопротивлению, помогая советами, оказывая полезное Крюгеру давление в Лондоне и... попутно пытаясь ввести своих солдат на территорию Трансвааля. Когда же предприятие Джемсона потерпело крах, берлинский кабинет воспользовался затруднительным положением Великобритании, чтобы поставить «вопрос о пересмотре конвенции 1884 г., которая в известной степени ограничивает права Трансвааля в отношении заключения договоров» [3, XI, № 2609, стр. 31].

И прежде в беседах, происходивших между официальными представителями Англии и Германии, несколько раз поднимался этот вопрос, и немецкие требования статус-кво в Южной Африке исходили из априорного положения о независимости Трансвааля.

3 января 1896 г. Маршалль обратился к Герффу в Преторию с распоряжением «конфиденциально переговорить с президентом Крюгером», довести до сведения последнего мнение германского правительст-

¹¹ Письмо от 2 января. Лоуэлл в своей работе [17], приводя текст этого письма, неверно датирует его 5 января (стр. 375—376). Из текста письма видно, что оно написано до 3 января, более того, до получения известия о поражении Джемсона. В других работах, где фигурирует это письмо [например: 15], оно правильно помечается 2 января 1896 г.

ва, что конвенция 1884 г. хотя и ограничивает в известной степени права Трансвааля в отношении заключения договоров, но это вовсе не исключает того, что республика может обращаться к державам и просить их обсудить на соответствующей конференции положение в Трансваале. «Германия поддержала бы подобное предложение Трансвааля. Императорское правительство не хочет брать на себя инициативы, так как президент лучше знает положение и интересы своей страны и так как мы не желаем, чтобы нас подозревали в преследовании собственных целей»¹².

Среди документов, опубликованных в [3], это, пожалуй, наиболее откровенный, показывающий, что за спиной Крюгера стояло германское правительство, поддержка которого хотя временами и делала «дядюшку Поля» более решительным в своих действиях, но все же не бросала его целиком в объятия Германии.

Однако, каков бы ни был этот документ, он оставался тайным для публики и не мог оказать значительного влияния на англо-германские взаимоотношения. Экспансионистские круги Германии настаивали на более решительных и откровенных действиях. Они оказывали давление на правительство, в котором были и лица, старавшиеся не делать опрометчивого шага. Например, Гольштейн писал (4 января) в Лондон графу Гатцфельдту: «Будьте уверены, что здесь, несмотря на колониальные и иные нажимы, не будут действовать по настроению или капризу» [3, XI, № 2612, стр. 33]. Но «колониальные и иные нажимы» оказались сильнее. Тем более что к «иным» относился и сам император, торопившийся действовать, считавший момент чрезвычайно подходящим для выступления. Так родилась мысль сделать явным то, что до сих пор было прикрыто дипломатической тайной: в голове Вильгельма II родилась мысль о телеграмме трансваальскому президенту. Эта идея сначала материализировалась в проекте телеграммы, датированной 2 января и составленной императором еще до получения известия о сдаче Джемсона. В этом проекте Крюгеру предлагался германский протекторат [17, стр. 369].

Лишь имея в виду эту закулисную сторону событий, можно понять те цели, которым должна была служить поздравительная телеграмма Вильгельма Крюгеру. Эта телеграмма была открытым, демонстративным выражением германской точки зрения на трансваальский вопрос. Подчеркивая в тексте телеграммы полную независимость бурской республики, она тем самым отрицала английские права на Трансвааль, определенные конвенцией 1884 г., отрицала британский взгляд на Англию как на преобладающую державу в Южной Африке. Германский империализм на миг приподнял забрало. Этим в значительной степени объясняется тот взрыв негодования, которым в Соединенном Королевстве встретили злополучную вильгельмовскую телеграмму.

Обратимся сейчас к этой депеше и ее составлению.

Мы видели, что первые дни 1896 г. были заполнены разного рода дипломатической перепиской, затрагивающей тот же круг вопросов, что и депеша, посланная 3 января в 11 час. 20 мин. в Преторию. Телеграмму подписал «Вильгельм, император и король». Впоследствии он всячески пытался доказать, что его участие в составлении знаменитой, связанной

¹² На эту телеграмму Герфф ответил 4 января, что он переговорил с Крюгером и что тот, поддерживая предложение о созыве конференции, рассчитывает официально поставить этот вопрос, когда английское правительство отклонит трансваальские требования [3, XI, № 2609, стр. 31].

с его именем телеграммы ограничилось разве лишь подписью, что он всячески старался удержать своих министров от этого неверного шага.

Предоставим слово кайзеру. В своих небольших по размеру, но переполненных тенденциозными неточностями воспоминаниях Вильгем II считал необходимым посвятить несколько страниц своей телеграмме.

После короткого вступления о том волнении, какое произвел в Германии набег Джемсона, о возмущении немецкого народа насилием, произведенным «над маленькой нацией нидерландского, следовательно, саксонско-немецкого происхождения», и о том, как это возбуждение распространилось на высшие круги общества и принесло императору много забот, так как он не желал осложнения с Англией, хотя симпатизировал бурам и т. д. и т. п., — после всего этого император Вильгельм написал: «Однажды, когда я обсуждал какой-то вопрос с моим дядей-канцлером, у него в доме в присутствии... адмирала Хольмана, появился очень взволнованный статс-секретарь Фридрих Маршалль с листом бумаги в руке¹³. Он объяснил, что возбуждение в обществе и даже в рейхстаге настолько возросло, что ему надо дать какой-нибудь выход и что лучше всего этого можно будет достигнуть, послав Крюгеру телеграмму, черновик которой и был у него в руках. Я протестовал, и адмирал Хольман меня поддерживал. Канцлер отнесся к вопросу довольно пассивно¹⁴. Но Маршалля нельзя было убедить» [7, стр. 45—46]. Далее «высочайший автор» писал о том, как ему, Вильгельму после напоминания, что он де конституционный монарх и не может идти «против сознания народа» (sic!) и «законных советников», скрепя сердце пришлось послать телеграмму за своей подписью.

Такова версия кайзера Вильгельма II, которая, по мягкому замечанию канцлера Бернгарда Бюлова, «не вполне соответствует истине» [6, стр. 203], хотя после печально-знаменитого интервью Вильгельма с корреспондентом «Дейли телеграф» в ноябре 1908 г. император, громко жалуясь на несправедливое отношение к нему немецкого народа, снова уверял всех, что телеграмму Крюгеру «его заставили отправить Маршалль, Гогенлоэ и бывший директор колониального отдела Кайзер».

С другой стороны, пишет далее Бюлов, «Маршалль неоднократно уверял меня, что он дал свое согласие на отправку телеграммы только потому, что иначе император „натворил бы гораздо худшие глупости“. Желания и намерения императора сводились тогда к тому, чтобы локализовать конфликт, превратив его в спор между бурскими республиками и английской Капской колонией. Его величеству в то время рисовалась фантастическая мысль заключить с бурами оборонительный и наступательный союз и воевать на их стороне против англичан, но при этом в Европе он хотел сохранить мир с Англией» [6, стр. 203].

Кроме ряда позднейших воспоминаний об этом событии (их много появилось в 1908—1909 гг.), когда скандал с императорским интервью в «Дейли телеграф» вновь пробудил интерес к англо-германским отношениям времен бурской войны, есть еще непосредственные свидетельства очевидцев. К ним можно отнести запись в дневнике одного из главных действующих лиц — барона фон Маршалля. Эта запись, относящаяся к

¹³ Несколько раньше, в 1909 г., Вильгельм, вспоминая об этом инциденте, писал, что Маршалль появился с проектом телеграммы еще до прихода императора, в то время когда канцлер Гогенлоэ и Хольман ожидали его [3, XI, № 2611, стр. 32].

¹⁴ Буквально несколькими строчками выше император пишет о Гегенлоэ, что, «посылая известную депешу Крюгеру, он, по-видимому, потерял осмотрительность и ясный взгляд, иначе нельзя объяснить той настойчивости (!), которую он проявил при этом». Это одно из многочисленных противоречий в путаных и лживых мемуарах Вильгельма II.

факту происхождения телеграммы, тем более ценна, что была сделана в тот же день. По воспоминанию Маршалля, 3 января 1896 г., в 10 час. утра, на дому у рейхсканцлера в присутствии императора происходило совещание. Кроме кайзера, канцлера Гогенлоэ и самого Маршалля в комнате присутствовали адмирал Хольман, адмирал фон Кнорр и лейтенант Селден (тогда военный атташе в Константинополе). В соседней комнате находился Гольштейн [2, стр. 327; 15, стр. 93; 17, стр. 362]. «Его величество, — записал тогда же после заседания Маршалль, — выдвинул удивительные планы. Протекторат над Трансваалем, от которого я его сразу отговорил. Мобилизация флота. Посылка войск в Трансвааль. На замечание канцлера, что это была бы война с Англией, его величество сказал: „Да, но только на суше“. В заключение его величество, по моему предложению, обратился с поздравительной телеграммой к президенту Крюгеру» [23, стр. 201].

Версия, преподнесенная в дневнике Маршалля, более близка к истине. Планы императора Вильгельма шли чересчур далеко и были поистине фантастическими (сухопутная война с Англией в Южной Африке при сохранении мирных отношений с той же Англией в Европе и на море!).

Планы кайзера являлись настолько бредовыми, что его советники, преувеличивавшие до беспредельности затруднений Англии в эти дни, умерили пыл своего монарха. И напрасны усилия Вильгельма опровергнуть это.

Мысль о посылке Крюгеру просто поздравительной телеграммы, поданная бароном Маршаллем, была принята в конце концов Вильгельмом. Авторство этой телеграммы приписывалось самым различным лицам: и самому императору, и Маршаллю, и барону Гольштейну. Но после опубликования дневника Маршалля не может быть сомнений в том, что инициатором посылки телеграммы явился он. Первый проект, составленный еще ранее Вильгельмом, был отвергнут. Новый вариант написал директор колониального отдела министерства доктор Кайзер, который, по словам Бисмарка, был «толковым юристом и умным человеком и умел писать в каком угодно направлении, в зависимости от того, что требовалось в высших сферах» [6, стр. 204].

Не мудрено, что проект телеграммы, написанной Кайзером, был выдержан в духе требований императора Вильгельма, т. е. был чересчур резким. Окружающие, главным образом Маршалль, изменили этот текст, несколько смягчив его [3, XI, № 2610, стр. 32].

Такова канва событий, и прав Бюлов, когда в своих воспоминаниях замечает: «Я полагаю, что к телеграмме, отправленной Крюгеру, были причастны все руководящие факторы того времени. Вильгельм II под влиянием настроения, которое владело им в то время, хотел „дать по физиономии“ Англии, в частности своему дяде Эдуарду. Маршалль надеялся, что эта телеграмма, которую он с жаром защищал в рейхстаге, обеспечит ему популярность, ибо он страдал от своей непопулярности, вызванной личной враждой к нему семьи Бисмарка. Престарелый канцлер Гогенлоэ был усталым человеком, который предоставлял все своему течению» [6, стр. 203].

В посылке телеграммы был сильный элемент блефа. Ни Маршалль, ни Гогенлоэ, несмотря на давление, оказываемое в особенности на первого колониальными кругами, не желали в то время риска войны с Англией. Не желал этого и Вильгельм, шедший, самое большое, на фантастическое локализованное столкновение в Южной Африке. Было решено воспользоваться затруднительным положением Великобритании, чтобы добиться ряда уступок, главным образом в южноафриканском вопросе.

Телеграмма должна была перед всем миром показать, что Германия

заинтересована в сохранении статус-кво в Трансваале, которое понималось как полная независимость Южно-Африканской Республики, и что Германия намерена даже сражаться за это. Деша кайзера должна была сделать Англию более покладистой в ее тогдашних переговорах с бурами, а германо-трансваальские отношения — более тесными. Помимо этого, телеграмма и вызванные ею последствия, каковы бы они ни были, должны были послужить средством для агитации в пользу строительства большого военно-морского флота. «Монарх был полностью захвачен этой идеей после первого отклика на телеграмму в Германии и за границей» [15, стр. 93].

Но эффект от телеграммы был совсем не тот, какого ожидали в Берлине. Британская империя оказалась прочнее, чем предполагали немцы, а надежды на создание континентальной коалиции — достаточно эфемерными. Деша Вильгельма II явилась в итоге «одной из величайших глупостей далеко не бедной ошибками германской политики от 1890 до 1914 года» [8, стр. 134].

Телеграмма Вильгельма Крюгеру усилила стремление британских империалистов к захвату бурских республик и в то же время способствовала дальнейшему ухудшению англо-германских отношений. «Телеграмма германского императора, — вспоминал позднее лорд Грей, — несомненно вызвала в Англии удивление и раздражение. Оно прошло, однако, без инцидентов, так как рейд сделал Англию виновной, а Крюгера правым» [16, стр. 36]. Это замечание можно отнести к моменту самого конфликта, завершившегося благополучно. В действительности значенные телеграммы более велико. Конечно, не одна она виновна в ухудшении англо-германских отношений, но она сильно способствовала зарождению в Англии обоснованного недоверия к целям германской политики и усилению там антинемецких настроений.

Английское правительство приняло меры. 8 января был опубликован приказ о формировании специальной эскадры из шести кораблей, которым было предписано направиться в Делагоа. Были усилены гарнизоны в Южной Африке. К концу 1896 г. они выросли в полтора раза и затем уж продолжали расти до начала англо-бурской войны [16, стр. 36; 21, стр. 30—32].

Свое веское слово сказала и лондонская биржа. Германские бумаги понизились в цене [14, стр. 44].

Деша Вильгельма Крюгеру была встречена единодушным взрывом протеста не только в самой Англии, но и в ее южноафриканских владениях. В редакции газет самых различных направлений пришло много писем, протестующих статей, требований разрыва отношений с Германией. Вот, например, отрывок из статьи в лондонском «Экономисте» под характерным названием: «Нападение германского императора на Великобританию»: «Никогда не было более незаслуженного и преднамеренного оскорбления великой державы. Британское правительство могло бы, если бы отряд прусских мародеров вторгся в Баварию, также поздравить баварского короля с тем, что он защитил независимость своего государства от германского императора. Вильгельм II ответил бы на это объявлением войны, и, хотя Англия не так бурна в своих действиях, он не должен удивляться, если события пойдут по этому пути» [14, стр. 34].

Везде осуждение германского императора тесно переплелось с джингоистскими демонстрациями и восхвалением Джемсона. Это были разные стороны одного и того же события. Вильгельмовская телеграмма сделала Джемсона героем джингоистской толпы. Его сравнивали с Клайвом, Вильгельмом Оранским, Гарибальди, его портреты выставлялись

в окнах, его имя звучало с трибун Гайд-парка, со сцен лондонских театров и мюзик-холлов.

Антигерманские выступления не ограничивались только лондонскими доками, где произошли столкновения с немецкими моряками, или театральными залами. Они происходили и в деловых сферах. Известна сцена на банкете в Гард-Соммершите, где мэр поднял бокал за здоровье и благополучие всех членов королевской семьи, кроме одного внука ее величества. На заседании одного из биржевых комитетов на входящих в зал представителей крупных немецких фирм шикали почтенные биржевики и спекулянты. Правда, у них были на это основания: ведь прежде всего их задевала растущая германская конкуренция, в частности в Южной Африке, где импорт германских товаров все возрастал.

Словом, везде, от верхних до низших слоев общества, от биржи до лондонских доков, звучали слова старой джингоистской песни:

We don't want to fight, but by Jingo if we do
We have the ships, we have the men, we have
the money too!

Не только в Англии и ее колониях, но и в других странах телеграмму Вильгельма встретили совсем не так, как рассчитывали император и его правительство.

Русский кабинет показал мало желания поддержать германские домогательства. Небольшая заинтересованность Российской империи в южноафриканских делах, некоторое смягчение англо-русских противоречий в Центральной Азии, горькие отзвуки экономической борьбы с Германией, закончившейся к неудовольствию русских промышленных кругов торговым договором 1894 г., недавнее оформление франко-русского союза, являвшееся в конечном счете ответом на австро-германо-итальянский блок, — все это определило позицию Петербурга.

Не оправдались расчеты германского правительства на англо-французский антагонизм. В Париже, где сначала печать более или менее одобрительно отнеслась к действиям кайзера и не скрывала своего удовольствия по поводу затруднительного положения Англии, вскоре стали раздаваться совершенно противоположные голоса. Как заметил Гогенлоз, уже через 24 часа «первые движения сердца испарились» и французские газеты снова заговорили об Эльзасе и Лотарингии [3, XI. № 2618, стр. 38]. Все германские предложения были не только неодобрительно приняты на Кэ д'Орсей, но и содержание их было немедленно передано в Лондон с заверением, что Франция знает только одного врага — Германию [19, стр. 52].

Еще более благоприятной для Великобритании была позиция Японии, сближение с которой наметилось в предшествующие годы.

Очень сдержанный прием встретили германские предложения даже у ее союзников. Италия в связи со своими затруднениями на Красном море нуждалась в английской поддержке. Вена холодно отнеслась к немецким предложениям, расценив их как «опрометчивые и неоправданные» [2, стр. 328].

Не мудрено, что в конце концов германские затеи относительно антибританского континентального блока не вышли из стен берлинской канцелярии [подробно см.: 9, гл. II].

Прошло немного времени, и Вильгельма охватило беспокойное стремление сгладить произведенное телеграммой впечатление. Резонанс был слишком громким, что и вызвало тревогу у не отличавшегося храбростью императора, хотя позднее он и заявлял хвастливо в письме (от

20 января 1896 г.) к Николаю II, что «отношение их (т. е. англичан. — М. Р.) ко мне было очень непристойным, но меня это оставляет совершенно равнодушным» [11, стр. 18].

Берлинский кабинет старался смягчить провокационный выпад своего монарха. Германским империалистам приходилось бить отбой. С другой стороны, и английское правительство также считало в то время обстановку неблагоприятной для развязывания конфликта.

В 1898 г. Солсбери, вспоминая о тревожных неделях 1896 г.; писал Эккардштейну: «Война была бы неизбежна с того момента, когда первый немецкий солдат вступил бы на трансваальскую землю... А если бы дело дошло до войны между нами, то последняя неизбежно бы превратилась во всеобщую европейскую войну. Французский посол в Лондоне Курсель уже сообщил мне, что в случае англо-германской войны Франция будет соблюдать самый благожелательный для нас нейтралитет и даже, возможно, в конце концов примет активное участие в войне. Далее Петербург дал нам понять, что в случае войны с Германией Англии не нужно будет опасаться России ни в Центральной Азии, ни где бы то ни было. И всякий человек, находящийся в здравом уме, должен был видеть, что Германия в такой войне должна была потерять все и не выиграть ничего» [20].

Провокация германских империалистов потерпела неудачу. Политический горизонт вскоре несколько прояснился, но впечатление, произведенное в Англии вильгельмовской депешей, так и не сгладилось в последующие годы, как заявил в 1913 г. английский посол в Берлине сэр Эдуард Гошен одному бельгийскому дипломату [13, стр. 97—98].

Инцидент с телеграммой, посланной Вильгельмом Крюгеру, — один из первых колониальных конфликтов империалистических держав, которые привели в конечном счете к кровавой грозе 1914 г.

Вот почему и ныне, когда рушится всемирная система «колониального угнетения и финансового удушения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли» [1, стр. 305], когда в порядок дня поставлен вопрос о полной ликвидации позорной системы колониализма, уместно вспомнить о тревожных январских днях 1896 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — Полное собрание сочинений, т. 27.
2. «British Document on the Origin of the War 1898—1914», vol. 1, London, 1926.
3. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», IV, XI, Berlin.
4. Temperley H. and Penson L. M., Foundation of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902), Cambridge, 1938.
5. Бисмарк О., Мысли и воспоминания, т. III, М., 1941.
6. Бюлов Б., Воспоминания, М.—Л., 1935.
7. Гогенцоллерн Вильгельм, Мемуары 1878—1918, Пг., 1923.
8. Дармштеттер, История раздела Африки, М., 1924.
9. Ерусалимский А. С., Внешняя политика германского империализма в конце XIX века, М., 1951.
10. Ерусалимский А. С., Трансваальский кризис 1896 г. и германские планы «Континентальной Лиги», — «Труды по новой и новейшей истории», т. I, М., 1948.
11. «Переписка Вильгельма II с Николаем II (1894—1914)», Пг., 1923.
12. Colvin J. D., The Life of Sir Leander Starr Jameson, vol. 1, London, 1922.
13. Churchill W., A Roving Commission.

14. «Economist», London, 1896, № 2733.
15. Garvin J. L., The Life of Joseph Chamberlain, vol. III, London, 1932—1933.
16. Grey E., Twenty Five Years, 1892—1916, vol. 1—3, London, 1928.
17. Lovell R., The Struggle for South Africa, 1875—1899, New York, 1934.
18. Penner C. D., Germany and Transvaal before 1896, — «The Journal of Modern History», 1940, XII.
19. Pribram England and the International Policy of European Great Powers, 1871—1914, Oxford, 1931.
20. Sidney, Life of King Edward VII, vol. 1.
21. Stead W. T., How Britain goes to war, London, 1903.
22. Stead W. T., The Scandal of South African Committee, — «Review of Reviews», London, 1899.
23. Tiemme Friedrich, Die Krügers Depesche, — «Europäische Geschichte», 1924, № 3.
24. «The Times», 29.I.1895.
25. «The Times' History of the War in South Africa», vol. 1, London, 1900.
26. Walker E. A., A History of South Africa, London, 1928.
27. Wolf L., Life of Lord Ripon, vol. 2, London, 1921.